

'подлинный, сам' (стр. 122 и сл.), автор должен был позаботиться оправдать это несколько странное словообразовательное сочетание, потому что известно много отглагольных имён на *-ъба*, одно на *-iba*, несколько производных на *-ова* и ни одного на *-ъба* в славянских языках. Все это нуждалось хотя бы в беглом обзоре, иначе эта словообразовательная сторона славянского материала остается нешродуманной. Автор не всегда считается с возможностью наличия древних диалектных слов, например отсутствие соответствий др.-прусск. *assanis* в восточнобалтийских он толкует как результат германского происхождения этого слова (стр. 133). Опечаток относительно мало: на стр. 167 вместо др.-иран. надо читать др.-ирл.; на стр. 173 вместо праслав. *pol-t-po* нужно *pol-i-ъpo*. Из менее удачных этимологических комментариев отметим неубедительность критики старой этимологии слова *куръва* (стр. 208—209), которое, несомненно, образовано от *kurgъ* 'петух' как производное с *ъ*-основой (*kury*) жен. рода. Реально-семантическое обоснование такого названия 'курица' > 'распутная женщина' надо видеть не в современных взглядах (франц. *cocotte* и т. д.), а в том, что подобным наименованием была схвачена наиболее броская черта — похотливость, точно так же, как в с.-хорв. *kurač* 'мужчина virile'. Аналогично, например, русск. диал. *пѣтка* (**pѣtka*) 'мужчина virile у мальчиков'. Этимологизировать это древнее презрительное слово, ругательство, в связи с *prabéigъ* или греч. *χύρος* или реконструировать значение *kury/ъve* как 'принадлежащая роду, общице, женщина рода' (!) было бы просто абсурдно. Кощачь эти выборочные замечания, укажем, что в книге с исключительно лексическим материалом нет индекса слов, что затрудняет пользование ей.

И последнее: книга неверно названа «Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры», так как есть основания полагать, что древнейшим лексическим взаимодействием для таких двух индоевропейских диалектных групп, как германский и славянский, были общие лексические инновации.

Следовательно, в целом учение о славяно-германских языковых отношениях распадается на: 1) общие индоевропейские архаизмы; 2) общие славяно-германские инновации в условиях древней территории близости и в силу близкого родства; 3) собственно «germanisch-slavische Lehnwörterkunde», — где последовательность отражает и хронологический порядок. Мы полагаем, что Мартынов посвятил свою книгу этому третьему, т. е. отнюдь не древнейшему, этапу славяно-германских отношений, оставившись в известном смысле здесь в русле традиции, поэтому его работа в общем довольно близка к трудам Стендер-Петтерсена и Кипарского, изучавших именно отношения заимствования между славянским и германским. Задача состоит в дальнейшем систематическом изучении всех названных выше, и особенно второго этапа, славяно-германских отношений, который можно с полным правом определить как древнейшее взаимодействие между этими языками.

O. H. Трубачев

H. Stridter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963 (=«Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin», Bd 27), 256 стр.

Рецензируемая работа немецкой лингвистки Х. Штридтер-Темпс является второй книгой, выпущенной ею после вышедшего в 1958 г. исследования немецких заимствований в сербско-хорватском. Обе работы Х. Штридтер-Темпс опубликованы в серии славистических монографий

Западноберлинского университета, издаваемых М. Фасмером, а затем В. Кипарским, где вышли близкие по типу книги Н. Райтера о германизмах в чешском и И. Зеверса — о немецком влиянии на латышский, Я. Калимы — о славянских заимствованиях западнофинских языков, Лоры Требин — о немецких элементах в русской горнорудной терминологии, Роземари Рихардт — о польских заимствованиях в украинском, К. Шумана — о кальках с греческого в старославянском и нек. др.

Книга Х. Штридтер-Темпс о немецких заимствованиях в словенском начинается с краткой истории изучения вопроса и изложения проблематики. Автор видит свою задачу в создании монографического исследования, максимально полно учитывающего богатый немецкий слой словаря словенского языка, что может послужить на пользу не только славистике, но и германистике.

Основной исходный материал в вопросе происхождения немецких элементов словенской лексики представляет, бесспорно, средне-верхненемецкий, а также баварско-австрийские диалекты (ср. стр. VII-VIII). Работа охватывает, таким образом, все хронологические пласти слов немецкого происхождения, а именно: древневерхненемецкие, средневерхненемецкие и нововерхненемецкие заимствования. Насколько можно понять, германизмы, предшествующие древневерхненемецкой эпохе, не принимались автором во внимание (см. стр. IX), точно так же как и новые культурные слова немецкого происхождения. Нижний хронологический предел для исследования Штридтер-Темпс — VIII в. н. э. (начало вассальной зависимости карантанских славян от Баварского герцогства).

Исследованию предпослан большой список литературы, в котором бросается в глаза досадная опечатка: Adolf Stender-Petersen — должно быть Adam Stender-Petersen.

Само исследование распадается на две части: фонетику (где рассматривается соотношение немецкого и словенского вокализма, консонантизма, субSTITУЦИЯ звуков и т. д.) и словарь. Последний представляет для нас особый интерес. Этот этимологический словарь немецких заимствований в словенском занимает более двух третей всего объема книги. Материал представлен весьма полно и почти не вызывает претензий. Приведем некоторые возможные дополнения: рядом с *pātrh* 'Handfäbchen' (стр. 205) надо было упомянуть словен. диал. *pātra*, *putriha* 'вид глиняного кувшина'; помимо *tegel* 'тигель, сковородка на трех ножках', можно отметить диал. *teiglin* 'цветочный горшок' — из уменьшительной формы, близкой литер. нем. *Tieglein*. В словаре отсутствуют словен. диал. *vajdling*, *bajdl* 'вид глиняной миски с двумя ручками', которые еще более точно, чем приводимое там *vātljica* (стр. 244), соответствуют бав.-австр. *Weitling*, карант. *weidling* — название посуды, расширяющейся кверху, если приводимые нами слова не связаны с нем. *beide* 'оба, два'.

Без сомнения, автора интересовали не все германские элементы словенского, которые последний часто разделяет с прочими славянскими, если говорить о древнейшем слове, но только немецкие (верхненемецкие) заимствования как самостоятельная проблема, и с таким подходом нельзя не согласиться. Конечно, при подобном слишком строгом разграничении проблематики кое-что интересное теряется и ускользает от внимания исследователя, как произошло и на сей раз. Так, в словаре Штридтер-Темпс мы не нашли словен. *lēvica* 'жаворонок', *lēva*, которое этимологизировалось Фасмером как заимствованное из первой части сложного герм. **laīwa-zakōn*, откуда нем. *Lerche*, нидерл. *leeuwerik*, англ. *lark* 'жаворонок'¹.

О. Н. Трубачев

¹ M. V a s m e r . Alte germanische Lehnwörter im Slavischen. — ZfslPh XII, 1935, стр. 103.